

ПРИНЦЕССА
МАРСА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Представляя вам необычную рукопись капитана Картера, я позволю себе сказать несколько слов, посвященных этой замечательной личности.

Мое первое воспоминание о капитане Картере относится к тем немногим месяцам, что он провел в доме моего отца в Виргинии перед началом Гражданской войны. Я был тогда пятилетним ребенком, но хорошо помню высокого, смуглого, гладко выбритого человека атлетического сложения, которого я звал дядей Джоном.

Он был скор на улыбку. С детьми играл с тем же добродушным весельем, с каким принимал участие в развлечениях общества взрослых. Даже с моей бабушкой он мог сидеть часами, занимая ее рассказами о своих необыкновенных похождениях во всех частях света.

Мы любили его, а наши слуги просто боготворили.

Он был истинным воплощением мужской красоты: ростом шесть футов и два дюйма, широкоплечий и узкобедрый, с осанкой тренированного спортсмена. Резкие черты лица отличались чрезвычайной правильностью. В полных огня и решимости стальных глазах этого брюнета отражался его сильный и прямой характер.

Манеры капитана Картера были безукоризненны, в них сквозило изящество, типичное для породистых джентльменов с Юга.

Его умение ездить верхом было настоящим чудом и вызывало восторг даже в этой стране великолепных наездников. Я часто слышал, как мой отец призывал его к осторожности, но дядя Джон в ответ только смеялся, говоря, что не родился еще тот конь, с которого он упадет и разобьется.

Началась война, и дядя Джон покинул нас, я не видел его больше пятнадцати лет. Вернулся он неожиданно, почти не изменился внешне. В обществе герой моего детства оставался таким же веселым, жизнерадостным товарищем, каким мы его знали раньше. Но я не раз тайком наблюдал, как, оставшись один, капитан Картер часами сидел, устремив взгляд в пространство, а лицо его выражало тоску и безграничную горе. Порой он просиживал ночи напролет, глядя в бездонное небо. Только много позже я узнал причину такого поведения.

Как-то раз он коротко рассказал нам, что после войны занимался разведкой и разработкой каких-то месторождений в Аризоне, это принесло большое состояние. Но о подробностях этого периода своей жизни он говорил крайне неохотно.

После возвращения Картер прожил с нами приблизительно год, а потом отправился в Нью-Йорк, где приобрел небольшой клочок земли на Гудзоне. Там я и навещал его раз в год во время моих посещений нью-йоркского рынка (у нас с отцом в то время было несколько небольших магазинчиков в Виргинии). Он жил в небольшом, но красивом коттедже на берегу реки. Однажды я обратил внимание, что дядя Джон с увлечением что-то пишет; как я теперь понимаю, он был занят этой самой рукописью.

Тогда же он сказал мне, что, если с ним произойдет какое-нибудь несчастье, именно я должен буду распорядиться его имуществом. И дядя Джон дал мне ключ от нестораемого шкафа в его кабинете. Там я должен был найти завещание и ряд указаний, следовать которым надлежало с абсолютной точностью.

В тот день, отправляясь спать, я видел из своего окна, как дядя Джон стоит на высоком берегу, простирая руки к небу. Лунный свет обволакивал его. Мне показалось, что он молится, хотя я никогда не считал его религиозным.

Несколько месяцев спустя, 1 марта 1886 года, я получил от него телеграмму с просьбой немедленно приехать. Он хорошо относился ко всем членам нашей семьи, но именно я всегда был его любимцем; поэтому немудрено, что я поспешил исполнить просьбу.

Утром 4 марта я уже прибыл на маленькую станцию, находящуюся недалеко от его поместья. Там я и узнал, что капитана Картера больше нет.

Он скончался утром. Надо сказать, что эта весть не очень поразила меня: я предчувствовал его смерть, но поспешил в поместье, чтобы позаботиться о похоронах.

В его маленьком кабинете я увидел сторожа, полицию и еще нескольких незнакомых мне человек. Сторож подробно рассказывал, как он нашел тело, которое еще не успело остыть, на краю берега. Капитан лежал на снегу, руки его были вытянуты над головой. Когда сторож показал, где именно это было, я понял, что это то самое место, где я видел дядю Джона ночью с простертыми к небу в мольбе руками.

На теле не было следов насилия, и с помощью местного врача следователь быстро установил, что смерть последовала от разрыва сердца. Оставшись наконец один, я открыл несгораемый шкаф и извлек завещание. Дядины указания по поводу похорон были несколько странными, но я постарался выполнить их во всех подробностях.

Капитан Картер просил, чтобы я перевез, не бальзамируя, его тело в Виргинию и положил в открытом гробу в склеп, который он сам выстроил. Склеп был снабжен хорошей вентиляцией, массивная дверь запиралась огромным позолоченным пружинным замком, открывавшимся только изнутри.

Согласно его распоряжению, я должен был сам проследить, чтобы все было сделано точно и сохранено в тайне.

По завещанию в течение двадцати лет весь доход с поместья причитался мне, а по истечении этого срока оно целиком переходило в мое пользование.

Дальнейшие указания касались этой рукописи, которую я не должен был распечатывать и читать одиннадцать лет. Огласить же ее содержание я мог только через двадцать один год.

Ныне я с полным правом делаю это.

Искренне преданный вам
Эдгар Берроуз.

1. В ГОРАХ АРИЗОНЫ

Мне очень много лет; сколько — я сам не знаю. Может быть, сто, может, и больше. Точно сказать не могу, так как я никогда не был старым, как другие люди, а детство не удержалось в моей памяти. Сколько себя помню, я всегда был мужчиной в возрасте около тридцати лет. Я выгляжу сейчас так же, как и сорок лет назад. Но все же я чувствую, что вечно жить не буду, что в один «прекрасный» день умру настоящей смертью, после которой нет воскрешения. Я боюсь смерти, хотя умирал дважды, а все еще жив. И все-таки я ощущаю перед ней такой

же ужас, как и вы. Думаю, именно этот страх убеждает меня в неизбежности смерти.

Понимая ее неотвратимость, я решил написать о самых интересных моментах своей жизни.

Я не могу объяснить те сверхъестественные происшествия, о которых расскажу. Но я честно изложу хронику случившегося за те десять лет, когда мое мертвое тело лежало в одной из пещер Аризоны.

Я никогда еще не рассказывал этой истории, и никто не узнает ее до моей смерти. Средний человеческий ум не верит тому, чего не в состоянии постигнуть, поэтому я не буду поражен, если меня осмеют и назовут лжецом. А между тем я сообщу здесь весьма простые истины, которые когда-нибудь будут объяснены наукой. Может быть, сведения, добытые мною на Марсе, помогут человечеству узнать тайну этой планеты.

Мое имя — Джон Картер, но более я известен как капитан Картер из Виргинии. Я восвал за Конфедерацию и, когда война закончилась, оказался обладателем нескольких сот тысяч конфедеративных долларов — то есть был разорен. Я имел чин капитана кавалерийского эскадрона, но армии уже не существовало. И все же я был готов к борьбе и решил отправиться в Аризону на поиски золота.

Там я провел около года в обществе другого конфедеративного офицера, капитана Джемса К. Поуэля из Ричмонда. Нам чрезвычайно повезло: в конце зимы 1865 года, после целого ряда неудач, мы обнаружили богатейшую золотonosную жилу. Мы даже мечтать о таком не могли! Поуэль, горный инженер по образованию, установил, что за три месяца мы нашли золота на сумму свыше миллиона долларов.

Так как наша экипировка была крайне примитивна, мы решили, что один из нас должен вернуться в цивилизованный мир, чтобы закупить необходимые машины и нанять людей для разработки жилы.

Поуэль хорошо знал местность и был лучше меня осведомлен в вопросах горного дела, поэтому мы решили, что ехать должен он. Я же должен был оставаться на страже нашей жилы и оберегать ее от захвата каким-нибудь странствующим искателем.

3 марта 1866 года мы навьючили двух осликов багажом Поуэля и распрощались. Он сел на лошадь и стал спускаться по горному хребту в долину, через которую лежал его путь.

Это утро было ясное, как обычно в Аризоне. Я следил за тем, как он удалялся, то отступая немного назад и вверх, то появляясь на ровном плоскогорье. В последний раз я видел Поуэля около трех часов пополудни, когда он вступил в тень горной цепи и скрылся в ней.

Спустя полчаса я случайно бросил взгляд в сторону долины и увидел три неясные фигурки, следовавшие в том же направлении, что и Поуэль. Я не склонен к излишней мнительности, но чем больше старался убедить себя, что это лишь мустанги и с другом все благополучно, тем меньше мне это удавалось.

Мы еще не встречали здесь ни одного враждебного индейца, поэтому наша беззаботность достигла крайнего предела. Мы высмеивали все слышанное об этих разбойниках, якобы шнырявших по горным тропам в поисках добычи. По рассказам, они подвергали жесточайшим мучениям всякого белого, попавшего в их руки.

Я знал, что Поуэль опытный офицер и прекрасно вооружен, но на Севере мне неоднократно приходилось сталкиваться с индейцами, и было ясно, что шансы его против хитрых апачей весьма слабы. В конце концов я не мог более оставаться в неизвестности, вскочил на верховую лошадь и направился по следам Поуэля, вооружившись двумя кольтами и карабином.

Выехав на относительно ровную дорогу, я пустил лошадь галопом и так скакал до самых сумерек. Было уже почти темно, когда я заметил следы, присоединившиеся к следам Поуэля. Это мчались во весь опор три неподкованных жеребца.

Я спешно продолжал свой путь, но наступила полная темнота, и пришлось дожидаться восхода луны. В ожидании мне оставалось только углубиться в размышления о целесообразности моей погони. Возможно, я сам, подобно нервной женщине, придумал несуществующие опасности, над которыми мы с Поуэлем только посмеемся, когда я его нагоню. Однако чувство долга, к чему бы оно ни вело, было для меня главным на протяжении всей жизни. Возможно, именно это принесло мне столько почестей и орденов во время войны и удостоило меня дружбы стольких незаурядных личностей.

Около девяти часов луна светила уже достаточно ярко, и я мог продолжать свой путь. Я довольно быстро продвигался вперед по тропинке, местами пуская коня легкой рысью, и около полуночи добрался до водоема, у которого Поуэль предполагал сделать привал. Здесь было пустынно. Следы преследующих всадников шли по следам Поуэля с одинаковой скоростью. Теперь я знал совершенно определенно: преследователи были апачи и они намеревались захватить Поуэля живым, чтобы насладиться его мучениями. Я пустил коня галопом в надежде догнать краснокожих раньше, чем они настигнут моего друга.

Где-то далеко впереди раздались выстрелы. Я понял, что сейчас Поуэль нуждается во мне больше, чем когда-либо, и бешеным карьером понесся вверх по узкой горной тропе.

Я проскакал целую милю, не слыша ни единого звука. Внезапно тропинка вышла через ущелье на небольшое открытое плоскогорье, и открывшееся мне зрелище было таким ужасным, что я остановился как вкопанный.

Небольшая полоска равнины сплошь белела индейскими шатрами. Посредине лагеря с полтысячи краснокожих сгрудились вокруг какого-то предмета. Их внимание было приковано к нему настолько, что они не заметили моего приближения и я мог бы с легкостью повернуть назад под темные своды ущелья, ускользнув от них. Однако эта мысль возникла у меня лишь на другой день, да я никогда и не последовал бы ей. Вообще, не могу припомнить ни одного случая, когда бы сознательно принимал решение в опасной ситуации. Я интуитивно следую велению чувства долга, не прибегая к утомительным мозговым процессам, и никогда еще не жалел об этом.

Я, конечно, понял, что центром всеобщего внимания был именно Поуэль. Не раздумывая, выхватил из-за пояса свой револьвер и стал посылать выстрел за выстрелом в самую гущу толпы, одновременно издавая дикие крики. И вряд ли я мог придумать что-нибудь лучшее, так как ошеломленные неожиданностью краснокожие бросились врассыпную в полной уверенности, что их настиг целый отряд регулярной армии.

Зрелище, представившееся моим глазам, заставило похолодеть кровь в жилах. Под яркими лучами аризонской луны лежал Поуэль, просто усеянный густой щетиной стрел. В том, что он уже мертв, не могло быть ни малейшего сомнения, но я решил спасти его от поругания. Подъехав вплотную, я нагнулся и, ухватившись за патронный пояс, взвалил тело на холку моей лошади. Взгляд, брошенный мною назад, убедил меня, что возвращение более рискованно, нежели путь вперед. Пришпорив моего измученного скакуна, я помчался к ущелью, видневшемуся по ту сторону равнины.

Тем временем индейцы успели сообразить, что я один, и мне вслед полетели проклятия, сопровождаемые стрелами и карабинными пулями. При лунном свете попасть в цель может, пожалуй, только проклятие, к тому же индейцы были крайне взволнованны, а бег моего коня быстр — все это спасло меня от метательных снарядов врага. Я смог

добраться до прикрытия гор прежде, чем дикари успели организовать настоящую погону.

Конь мой продвигался вперед без поводьев, так как я знал, что он найдет верный путь скорее, нежели я. Но на этот раз он ошибся и пошел по тропе, ведущей к вершине горной цепи, а не к ущелью, через которое я надеялся выбраться в долину и тем самым спастись от погони. Но именно этой ошибке я обязан жизнью и теми замечательными происшествиями, которые приключились со мной в течение последующих десяти лет.

Первая мысль о том, что я оторвался от погони, мелькнула у меня, когда вопли преследователей начали доноситься слева и притом стали менее внятными. Я понял, что они направились по левую сторону скалистых гор, окаймляющих равнину, в то время как мой конь вынес меня и тело Поуэля по правую ее сторону.

Я очутился на небольшом ровном выступе скалы, с которого можно было разглядеть тропинку внизу, и увидел, как кучка преследовавших меня дикарей исчезла за вершиной соседней горы. Но было ясно, что индейцы скоро обнаружат свою ошибку, и тогда погоня будет возобновлена по верному направлению.

Я успел проехать лишь очень небольшое расстояние, как вдруг перед моими глазами вырос большой скалистый утес. Тропинка, по которой я ехал, была ровная, довольно широкая и вела наверх. Справа возвышалась скала высотой в несколько сот футов, слева был крутой, почти отвесный спуск, ведущий на дно скалистого оврага. Вскоре резкий поворот вправо вывел меня ко входу в большую пещеру. Отверстие было четыре фута в высоту и от трех до четырех футов в ширину. Тропинка кончалась у самой пещеры.

Утро уже наступило, и все было озарено ярким солнечным светом. Сойдя с лошади, я положил тело Поуэля на землю. Я все не мог смириться со смертью друга и вливал воду из своей фляги в его мертвые губы, смачивал его лицо водой, тер руки — словом, провозился с ним около часа, будучи в то же время совершенно уверенным в его смерти.

Я очень любил Поуэля. Он был настоящим мужчиной и хорошим, верным товарищем. С чувством глубокой скорби я прекратил свои тщетные попытки оживить его.

Оставив тело Поуэля, я вполз внутрь пещеры на разведку. Она была примерно сто футов в диаметре и тридцать или сорок футов в высоту. Ровный, хорошо утоптаный пол и многие другие признаки говорили, что когда-то, в отдаленные времена, пещера эта была обитаемой. Задняя

стена ее скрывалась в густой темноте, так что я не мог разобрать, имеются ли там еще ходы.

Постепенно я начал ощущать приятную сонливость, которую счел результатом своей усталости от длительной верховой езды, опасностей борьбы и погони.

Теперь я чувствовал себя относительно безопасно, ведь один человек мог спокойно защищать тропинку, ведущую в пещеру, от целой армии.

Охватившая меня полудремота вскоре стала так сильна, что я с трудом боролся с желанием броситься на землю и заснуть. Я сознавал, что это совершенно недопустимо, так как означало бы верную смерть от рук моих краснокожих «друзей», которые могли нагрянуть каждую минуту. Сделав над собой усилие, я направился к выходу из пещеры, но сильное головокружение буквально отбросило меня к боковой стене, и я навзничь упал на землю.

2. ИЗБАВЛЕНИЕ ОТ СМЕРТИ

Блаженное ощущение охватило меня, мускулы ослабели, и я был уже готов заснуть, как вдруг услышал приближающийся конский топот. Я хотел вскочить на ноги, но с ужасом ощутил, что мышцы отказываются повиноваться. Я не мог пошевелить ни одним членом, словно превратился в камень. И теперь впервые заметил, что пещеру наполняет какой-то полупрозрачный туман, он виден лишь у самого выхода, где озарен дневным светом. Ядовитый газ! Странно только, почему я сохранил мыслительные способности, потеряв способность двигаться.

Я лежал лицом к выходу, откуда мне была видна узкая полоска тропы между пещерой и поворотом утеса. Звук приближающегося лошадиного топота прекратился, и я понял, что индейцы уже спешили и теперь осторожно подкрадываются ко мне. Положение было безнадежным, оставалось только надеяться на скорую смерть, так как фантазия дикарей, изобретающих пытки, безгранична.

Ждать пришлось недолго. Легкий шорох известил меня, что враг рядом. Из-за гребня скалы показалось ярко раскрашенное лицо воина, и дикие глаза впились в меня. Я был уверен, что прекрасно виден в полумраке пещеры, так как лучи утреннего солнца падали через вход прямо на меня.

Однако краснокожий стоял неподвижно, с вытаращенными глазами и открытым ртом. Затем показалась еще одна дикая физиономия, потом

третья, четвертая и пятая, и каждая являла собой воплощение страха, но причина их испуга была мне непонятна. Столпившиеся у пещеры шепотом что-то с ужасом передавали остальным.

Внезапно из глубины пещеры, откуда-то позади меня, раздался слабый, но внятный стон. Как только он достиг слуха индейцев, они повернулись и бросились бежать. Паника охватила их до такой степени, что одного из них в спешке столкнули с утеса вниз головой на острые камни. Некоторое время в воздухе еще раздавались их крики, затем все стихло.

Звук, испугавший моих врагов, больше не повторялся, но и одного раза было достаточно, чтобы я мог думать только о неизвестном, скрывавшемся во мраке. Страх — относительное понятие. То, что я испытывал тогда, не идет ни в какое сравнение с ощущениями, например, во время смертельной опасности на войне. На войне жизнь моя была в моих руках, теперь же я оказался парализован, спиной к неизвестной опасности, один звук которой обратил в бегство бесстрашных апачей. Я много испытал в жизни страшного, теперь испытывал настоящий ужас.

Несколько раз мне казалось, что я слышу позади себя слабый шорох, как будто кто-то осторожно двигается. Но ничего не происходило, и мне оставалось лишь ждать и надеяться, что мой паралич исчезнет так же внезапно, как возник.

К концу дня конь, стоявший до сих пор не привязанным у входа в пещеру, повернулся и медленно отправился вниз по тропинке в поисках пищи и воды. И вот я остался один на один с таинственным существом позади себя. С этой минуты и до полуночи вокруг меня царил тишина — тишина смерти. В полночь из густого мрака пещеры опять раздавался ужасный стон и слышался звук движения какого-то существа, как слабое шуршание сухих листьев. Я еще раз сделал отчаянную попытку встать, но разум мой был бессилен разрушить оковы.

Внезапно я ощутил сильный внутренний толчок, мгновенную тошноту, услышал резкий звук и почувствовал себя стоящим у стены пещеры. В эту минуту лунный свет озарил внутренность пещеры, и прямо перед собой я увидел собственное тело. Оно лежало в той же позе: с широко открытыми глазами, устремленными к выходу из пещеры, с безжизненно раскинутыми руками. Охваченный полнейшей растерянностью, я переводил взгляд со своей недвижимой земной оболочки, лежавшей на полу, на себя, стоящего у стены. У стены я стоял совершенно нагой, как в час своего рождения.

Превращение было настолько неожиданным, что на минуту я забыл обо всем, кроме своей чудесной метаморфозы. Первой моей мыслью было: неужели это и есть смерть? Неужели я действительно оказался по ту сторону жизни? Но я ясно ощущал сильный стук сердца — результат попытки освободиться от сковавшего меня онемения. Дыхание было прерывистым, из каждой поры тела выступил холодный пот. Я ущипнул себя и убедился, что не сплю.

Тут повторившийся глухой стон из глубины пещеры вернул меня к реальности. Я наг и безоружен, и нет ни малейшего желания стать лицом к лицу с невидимым врагом.

Я не мог себя заставить прикоснуться к собственному безжизненному телу, чтобы взять револьверы. Карабин был прицеплен к седлу ушедшего коня. Единственным выходом из создавшегося положения было бегство. Это решение укрепилось, когда я вновь услышал шуршащий звук из темноты пещеры.

Я быстро проскользнул наружу и очутился под звездным небом ясной аризонской ночи. Резкий и свежий горный воздух освежил меня, и я почувствовал, как с ним в меня вливается новая жизнь и новая отвага. Остановившись на краю выступа, я старался прояснить свое помутившееся сознание. Я размышлял о том, что в течение многих часов пролежал совершенно беспомощный в пещере, и все же ничто не причинило мне вреда. Здравый смысл подсказывал, что недавние шорохи происходили от каких-нибудь естественных и совершенно невинных причин. Может быть, само строение пещеры таково, что их производило легкое дуновение ветра.

Я решил вновь отправиться на разведку. Но прежде поднял голову, чтобы наполнить свои легкие чистым горным воздухом. Взгляд мой упал на расстилающуюся передо мной прекрасную панораму горных хребтов и равнин, поросших кактусом. Эта картина под фосфорическими лучами луны завораживала.

Немногие чудеса Запада могут так вдохновить человека, как освещенный луной горный пейзаж Аризоны. Посеребренные горы вдали, странное сочетание света и тени, причудливые контуры кактусов создают необыкновенную картину. Кажется, что заглянул в какой-то мертвый или забытый мир, совершенно не похожий на все другие места земного шара.

Погруженный в созерцание, я перевел взор с земли на небеса, где раскинулись мириады звезд. Большая красная звезда над горизонтом

привлекла мое внимание. И, глядя на нее, я почувствовал себя во власти какой-то могучей, волшебной силы. Это был Марс, бог войны, мой бог.

Я не мог оторвать от Марса свой взор, мне показалось, что он властно призывает меня к себе через необозримое пространство, как магнит притягивает к себе железо.

И тяготение оказалось невозможно преодолеть. Я закрыл глаза, протянул руки призывавшему меня богу войны и почувствовал, как с быстротой молнии какая-то волшебная сила понесла меня в звездную бесконечность.

Резкий холод и непроницаемый мрак окружили меня.

3. МОЕ ВСТУПЛЕНИЕ НА МАРС

Открыв глаза, я увидел странный ландшафт. Я знал, что нахожусь на Марсе, пребываю в здравом уме и что все происходит наяву. Я не спал. Мое внутреннее сознание с такой же уверенностью говорило мне, что я на Марсе, с какой ваше говорит вам, что вы на Земле.

Я оказался на ложе из желтоватого мха, расстилавшегося на целые мили вокруг. Был полдень. Солнце светило прямо надо мной, и зной его был совершенно невыносим для моего обнаженного тела: он был значительно сильнее, чем бывает в то же время дня где-нибудь в пустыне Аризоны. Там и тут возвышались небольшие выступы кварцевых скал, сверкавших на солнце, а слева от меня, на расстоянии ста ярдов, виднелось низкое строение высотой около четырех футов. В поле моего зрения не было ни воды, ни какой-либо иной растительности, кроме мха. Я же ощущал жажду и потому решил отправиться на разведку.

Когда я вскочил, Марс преподнес свой первый сюрприз: меня подняло в воздух ярда на три, а потом плавно опустило. Это было забавно, но мне пришлось снова учиться ходить, так как ноги, легко и крепко носившие меня на Земле, здесь, на Марсе, проделывали со мной самые неожиданные фокусы.

Я пытался двигаться вперед нормальным, достойным джентльмена образом, однако двигался какими-то смешными прыжками. Каждый шаг отрывал меня от почвы и через два или три скачка швырял навзничь. На Марсе тяготение меньше, чем на Земле, атмосферное давление ниже, и пока я терпел поражение в поединке с ними.

Все же я твердо решил осмотреть окрестности, а главное — необычное строение. И ухватился за оптимальный в моей ситуации способ:

впал в детство и пополз на четвереньках. Это мне удавалось очень хорошо, и через несколько мгновений я уже добрался до низкой стены, окружавшей интересующее меня здание.

Она не имела ни окон, ни дверей. Так как высота ее была не более четырех футов, я осторожно поднялся на ноги и заглянул через нее... Это было фантастическое зрелище!

Крыша строения была из крепкого стекла, толщиной в четыре-пять дюймов, а под ней лежало несколько сот огромных яиц, совершенно круглых и снежно-белых. Все яйца были практически одинаковы — два с половиной фута в диаметре.

Четыре или пять из них уже лопнули, и рядом сидели странные создания. Сразу бросалась в глаза непомерно большая голова, к которой при помощи длинной шеи присоединялось маленькое слабое тельце с шестью конечностями. Как я узнал позже, это были пара рук и ног и пара промежуточных конечностей, применяемых и в качестве рук, и в качестве ног. Глаза были посажены по краям головы, немного выше ее центра, и вращались независимо друг от друга, благодаря чему это уродливое существо могло смотреть в любом направлении или в двух направлениях одновременно.

Уши были расположены над глазами и имели форму небольших куполообразных щупалец. Они выдавались над головой примерно на один дюйм. Нос представлял собой продольную расщелину в центре лица, между ртом и ушами.

Тела их были совершенно лишены растительности, а кожа имела светлую желтовато-зеленую окраску. Как я узнал позднее, у взрослых марсиан этот цвет переходит в оливковый, причем у мужчин темнее, нежели у женщин. Кроме того, у взрослых голова не так непропорционально велика, как у детей.

Радужная оболочка глаз кроваво-красного цвета, как у альбиносов, зрачок темный, а глазное яблоко белое. Такие же белые зубы придавали особенно хищное выражение и без того неприятной физиономии, так как нижние клыки загибались вверх, к глазам. Они выделялись необычайно резко на темном фоне оливковой кожи.

Но тогда у меня было мало времени, чтобы рассмотреть все это. Яйца лопались одно за другим, и маленькие уродцы выползали из своей оболочки. Между тем сзади ко мне приближалась группа взрослых марсиан. Они двигались бесшумно по мягкому мху, покрывавшему почти всю поверхность Марса (только у полюсов была вечная мерзлота). Только случайное бряцанье оружия переднего воина предупредило меня.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРИНЦЕССА МАРСА

Предисловие.....	4
1. В горах Аризоны.....	6
2. Избавление от смерти.....	11
3. Мое вступление на Марс.....	14
4. Пленник.....	18
5. Я ускользаю.....	22
6. Битва, одарившая меня друзьями.....	25
7. Дети марсиан.....	28
8. Небесная пленница.....	31
9. Я изучаю язык.....	35
10. Победитель и вождь.....	37
11. Дея Торис.....	44
12. Пленник, облеченный властью.....	49
13. Ухаживание на Марсе.....	52
14. Борьба насмерть.....	56
15. Сола рассказывает мне.....	62

16. Мы надеемся бежать	67
17. Счастливое освобождение	74
18. В плену у урухунцев	79
19. Сражение на арене	82
20. На атмосферной фабрике	85
21. Воздушный разведчик	90
22. Я нахожу Дею	96
23. Заблудился в пространстве	102
24. Тарс Таркас находит друга	106
25. Зодангская добыча	111
26. От сражений к радости	114
27. От радости к смерти	118
28. В пещере Аризоны	122

БОГИ МАРСА

К читателю	126
1. Растительные люди	128
2. Битва в лесу	136
3. Таинственная комната	144
4. Тувия	152
5. В подземном лабиринте	161
6. Черные пираты Барсума	167
7. Древо жизни	172
8. В глубинах Омина	180
9. Исса, богиня вечной жизни	190
10. В плену на острове Шадор	196
11. Когда разверзается ад	204
12. Приговоренные к смерти	214
13. Путь к свободе	219
14. Глаза в темноте	228
15. Бегство и погоня	238

16. Под арестом	244
17. Смертный приговор	251
18. Рассказ Солы	257
19. Черное отчаяние	263
20. Воздушный бой	273
21. Через огонь и воду	282
22. Победа и поражение	287

ВЛАДЫКА МАРСА

1. На реке Исс	296
2. Под горами	304
3. Храм солнца	311
4. Потайная башня	317
5. По дороге в Каол	325
6. В Каоле	333
7. Новые союзники	340
8. Через пещеры Кариона	348
9. Желтые люди Барсума	355
10. Новый соперник	362
11. Танталовы муки	368
12. «Следуй за веревкой»	375
13. Магнитная стрелка	383
14. Бой в тронном зале	390
15. Награда	395
16. Владыка Барсума	402
Словарь марсианских терминов	407